

Skleněný
místek
2016

Х
р
о
н
и
к
и

Э
л
ь
с
и
Д
о
р
и
и

Маруэтта А.Роз

ЧЕЛОВЕК С ГЛАЗАМИ ВОЛКА

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

Однажды Джарет, Король домовых и гоблинов, неосторожно дал слово. Дал и забыл. Но пришло время – пора выполнять обещание. Да и что тут сложного? Всего лишь позаботиться о 16-летней девушке, оборотне-полукровке. Есть только одно «но»: ее бы сперва догнать...

© Мариэтта А. Роз 2016

© Skleněný můstek s.r.o. 2016

ISBN 978-80-7534-112-9

Содержание

Миф о мире

Сказание начинается

Глава 1. Грань. Мариэтта. Часть первая

Глава 2. Эльсидория. Джарет. Часть первая

Глава 3. Джарет и Мариэтта

Глава 4. Чудовище

Глава 5. Король. Часть первая

Глава 6. Письмо

Глава 7. «Розовый ягнёнок»

Глава 8. Печорский квадрат

Глава 9. Побег

Глава 10. Королева Карина

Глава 11. Сударь и сударыня. Часть первая

Глава 12. Соперники

Глава 13. Мариэтта. Часть вторая

Глава 14. Джарет. Часть вторая

Глава 15. Проклятье полукровок

Глава 16. Похороны

Глава 17. После похорон

Глава 18. Замок Короля домовых

Глава 19. Аустерленд. Часть первая

Глава 20. Аустерленд. Часть вторая

Глава 21. Мария

Глава 22. Сударь и сударыня. Часть вторая

Глава 23. Король. Часть вторая

Глава 24. Совет королей

Глава 25. Отчаянье короля

Глава 26. Джарет. Часть третья

Глава 27. Джарет. Часть четвёртая

Глава 28. Великий князь

Глава 29. Богиня

Глава 30. В путь!

Глава 31. Дорога на юг

Глава 32. Накануне

Глава 33. Поединок

Эпилог

*Ленчик *Шэр* Анохиной и Катюшке *Лайя* Одарич*

*Не стоит верить волку, ибо у него глаза человека.
Не стоит верить человеку, ибо у него глаза волка.*

Маризтта А. Роз

Миф о мире

Земля!

Когда-то она казалась безграничной, неисчерпаемой. В те далёкие времена, когда это было непреложной истиной, на её просторах обитали самые разные создания. Люди и дивные: эльфы, гномы, метафоры, дриады, нимфы, драконы...

Уже никто не может толком сказать, как так получилось, что бок о бок с простыми смертными жили они, даже между собой не похожие существа, столь разные, столь волшебные. Люди почитали их как богов – возможно, они и были богами. По крайней мере, тогда.

Кстати, возможно, именно дивные и стали причиной появления людей. Какой-нибудь волшебник шутки ради наделил разумом племя обезьян, со временем они и развились в собственную цивилизацию. Или же их создали искусственно в ходе одного из магических экспериментов для услужения, увеселения, наравне с големами? Только вот опыт оказался чуть более успешным, чем ожидал творец. Хотя все могло быть и иначе. К примеру, сами дивные пришли из далёких миров, возможно, по той же самой причине, по которой после покинули Землю, и стали более или менее миролюбивыми соседями. Сейчас уже никто не может сказать, как было на самом деле.

Впрочем, не так уж это и важно.

Те дивные, что обращали внимание на людей, стали их проводниками в жизни. В основном это были эльфы, гномы, русалки. Они охотно учили этих «странных недалеких существ» тому, что знали сами: искусствам, ремеслам, любви, состраданию и всему такому

прочему. Иногда – магии. Хотя, как оказалось, в большинстве своём люди с трудом осваивают даже базовые навыки мастерства – лишь единицам действительно удавалось чего-то достичь. Скорее всего, думали эльфы, проблема кроется в сроках жизни. Ведь человеческий организм рассчитан всего лишь на три капли: детство, молодость, старость.

Так они и жили, дивные и люди. Достаточно долго. Сосуществовали, влюблялись, рожали общих детей, иногда ссорились.

Но однажды всё изменилось.

То тут, то там стали появляться мрачные люди в чёрных балахонах. Называли они себя инквизиторами. Кто они такие, откуда пришли – никто толком не знал, но они нащёптывали: *«Смотрите, как красивы эльфы! Как богаты гномы! А кровь огненных птиц лечит любые болезни! Все их сокровища, все тайны должны принадлежать нам, людям, это мы здесь хозяева!»*

Конечно, поначалу большинство отмахивалось, но злые слова упали в благодатную почву. Чисто людское качество – зависть – выросло из этих семян.

А ведь действительно! Почему им – всё, а мне – ничего? Им – долгая жизнь, красивые женщины, богатства недр, а мне? Что остается мне? А вот если бы их не было, то всё это досталось бы мне!

Сами дивные не сразу заметили перемену. Когда люди стали к ним относиться прохладнее, они приняли это спокойно, с истинным фатализмом дивных. Но прохлады быстро переросла во враждебность, а враждебность – в войну.

Инквизиторы теперь во весь голос кричали:

– Ату их! Ату! Закидайте их камнями! Разграбьте их жилища! Возьмите их женщин!

И дивные схватились за оружие.

Дивные быстро поняли, что противостояние закончится ничем. Да, как воины они куда искуснее, но людей больше. Часто случалось так, что на штурм крохотного поселения эльфов бросались десятки тысяч простых смертных. Люди поднимались на стены по трупам,

к тому времени у осаждённых заканчивались стрелы и начиналась обычная резня.

Среди дивных произошёл раскол. Метафоры кричали, что нужно использовать всю мощь магии, чтобы раз и навсегда уничтожить людей. Эльфы возражали, что нечестно использовать оружие, которому противник не может противостоять. В ответ их обвиняли в чистоплюйстве, те отвечали соответствующим образом – свара каждый раз получалась приличная.

Впрочем, у большинства народов конкретной позиции не было. Гномы никак не могли определиться: поочередно говорили то «да», то «нет». Дриадам, нимфам всё это было неинтересно – их полупрозрачные тела не могут поранить ни мечи, ни стрелы, так что пока люди не разоряют леса и реки, им всё равно. Зеленокожие вообще радовались возможности помахать дубинками.

Решение неожиданно предложили драконы.

– Мы уходим, – сказал самый старый из них – огромный дракон, побелевший от времени. – В другой мир. Мы уже немного изучили его. Там есть множество планет, как и здесь, и одна из них почти такая же, как Земля. Там тоже есть реки, леса, горы, океаны. Все условия! Но самое главное: он пуст. Мы нашли только несколько мёртвых городов. Похоже, что цивилизация того мира давно погибла. – Дракон выдохнул несколько колечек дыма. – Мы уходим. Вы можете пойти с нами и начать всё сначала или же остаться здесь и продолжить войну. Выбирайте! Но прежде, чем вы что-то решите, я скажу следующее: люди – всего лишь пешки. За их спинами стоит сила, у которой пока нет названия. Бойтесь их.

И драконы улетели.

Это был выход!

Уйти.

Оставить людям Землю, пусть живут как хотят, как могут! Без них. Конечно, жаль, но так будет лучше.

Для всех.

Но переселить такое количество желающих не так-то просто: порталы между мирами опасны и нестабильны. Первые доброволь-

цы уходили небольшими группами. Увы, были те, кто исчез в неизвестности. Но были и те, кому удавалось добраться до места.

С помощью магии они посылали сигналы, что всё в порядке, что всё именно так, как говорили драконы: мир пуст и пригоден для проживания. После ставили магические маяки. Ориентируясь на них, на Земле взялись за строительство порталов, чтобы сделать переходы более безопасными.

А пока дивные решили избегать столкновений с людьми.

Люди поначалу обрадовались. Честно говоря, они сами уже здорово устали от войны, многие жалели, что ввязались в столь глупую авантюру, но назад дороги нет. Не придёшь же сейчас к дивным просить лекарства, еду, как это бывало в мирные годы.

Когда же они поняли, что дивные не сдались, а просто уходят – восприняли это как личное оскорбление. Они не могут уйти, забрав с собой всё то, что так нужно им самим!

Их бросают, их предают!

Люди начали атаковать дивных с удвоенной жестокостью.

На массовое переселение понадобилось несколько десятилетий. Вперемешку с дивными уходили и люди. Одни следовали за дивными, поскольку боготворили их. Другие просто искали лучшей жизни. Но были и третьи – те, кого с места согнали закон, чума и костры инквизиции.

Потом порталы захлопнулись и закрылись на Ключи. Ключи выбрасывать не стали. Их доверили рыцарю из клана Тамплиеров.

Столь сильный магический артефакт неестественно удлинил его молодость. Но вечная жизнь не дает бессмертия, и в одной из войн Средневековья он погиб. После Ключи выбирали себе Хранителя самостоятельно.

Новый мир дивные называли Эльсидория, что в переводе с эльфийского означает «приют чудес». Старый мир называли просто Гранью.

Жизнь после потекла своим чередом. Когда буря Средневековья улеглась, люди поняли, что, в принципе, обладая рядом навыков,

можно обходиться и без дивных. Некоторые догадались, что знания можно совершенствовать, добывать новые, увлеклись. Постепенно Грань развилась в техногенный мир.

В Эльсидории всё вроде оставалось по-прежнему.

Там, где есть магия, нет места технике.

К тому же заговоры лечили лучше синтетических лекарств, а фатализм дивных позволял без трагедии относиться к самым сложным случаям. Сам мир толком не осваивался: одним это неинтересно, другим – некогда.

Люди основали три королевства: на севере – Лонглию, на западе – Корсиконию, на юге – Сюррию. Правда, всё-таки нашлись и такие, кто даже в новых условиях не хотел соседствовать с дивными. Они ушли на северо-запад, в мрачные бесконечные пустынные поля, основали там несколько городов-государств. Но для общего удобства их территорию называли Аустерлендом.

Леса между Лонглией и Корсиконией заняли эльфы. На общем совете решили не делить между собой деревья, а жить в мире. Но для единства нужен один король.

Это было сложно, ведь у каждого клана – своя правящая династия. Как выбрать достойнейшую? Но всё-таки выбрали. Прочие короли сняли короны и стали именоваться лордами. После эльфы зажили обычной жизнью. Сообща работали, сообща веселились, сообща ссорились. В общем, всё как обычно! Их лес называли Альфаром.

Только один клан решил поселиться отдельно, восточнее, в горах. Их стали называть горными эльфами, а королевство, соответственно, – Королевством горных эльфов.

Гномы выбрали крупный горный массив на юго-западе и поступили по примеру эльфов. Вернее, почти. Клань разыграли горы в карты или на кулаках, в общем, кому как оказалось удобнее. Короли остались королями, а правящую династию выбирали раз в столетие на большой сходке. Самому архипелагу дали общее название – Гномлия, то есть «место, где живут гномы». Просто и понятно, по-гномски.

Драконы обжили острова далеко в океане. Русалки, дриады расселились по прочим различным водоемам. Зеленокожие заняли северные горы. Их королевства также заняли своё место на карте Эльсидории.

После появились и другие обозначения. Например, архипелаг Ансара, гора Перворождённых, Зелёное озеро, Великая пустыня и так далее.

В общем, в Эльсидории действительно всем хватило места.

Уже после Великой Миграции Совет магов неожиданно вынес вердикт: никаких полукровок! Это показалось всем весьма странным требованием. Чем плохи полукровки? Но метафоры вдруг заорали:

– И правильно! Если бы эльфы тогда не начали якшаться с людшками, то ничего бы и не было!

Эльфы ожесточенно заспорили: не якшались, а любили! А любовь для них, для эльфов, священна!

Разгоревшийся гвалт прихлопнули сами маги, заявив, что в следующий раз пригласят только коронованных особ и Хранителей, мол, Совет магов теперь только для избранных, а не как раньше, когда приглашались ещё и просто волшебники, герои – в общем, все те, кого дивные считали правильным послать на столь важное заседание.

Конечно, многие рассердились! Но обижаться некогда: освоение новых земель требует огромных усилий.

А потом Совет магов уже в новом своём составе провозгласил Культ чистой крови. Эльфы растерялись, гномы заохали, метафоры заорали, что так оно и правильно будет, а короли сказали жёстко: никаких полукровок!

Первыми жертвами в той войне стали полукровки. Почему именно они?

Зачем вообще нужен этот запрет?

* * *

Знали ли маги, а может просто догадывались, что проклятье, идущее по следам полукровок, невозможно остановить никакими засовами?

Сказание начинается

«Нужно решиться».

Женщина стояла у окна, напряженно вслушиваясь в тишину, пытаясь уловить малейшее колебание, изменение – предупреждение об опасности.

Об Их приходе.

«Я должна...»

Женщина судорожно вздохнула. Повернулась.

Ни единого постороннего звука! Ничего лишнего.

Ещё раз оглядела комнату, словно в поисках чего-то. Хотя здесь так мало мебели, что потерять что-либо (или спрятаться) просто невозможно! Стол без скатерти, на нём – стопки взрослой и детской одежды, пелёнки, немного посуды, продуктов. Рядом – пара стульев, детская двухместная кроватка. Ничего более! Ни шкафа, ни кровати. Всё белое, ни единого тёмного пятнышка.

Кроме неё самой.

Женщина одета во всё чёрное, отчего черты красивого дивного лица кажутся острее, жёстче. К тому же вооружена: за спиной – меч, на поясе – кинжал, кожаные доспехи.

Зачем?

Вот ещё одна странность: кроватка – двухместная, а ребёнок – один.

Девочка.

Внезапно женщина напряглась.

Шаги! Кто-то идёт сюда!

Лицо женщины исказилось. Правой рукой медленно вынула меч из ножен. Приготовилась. Оскалилась. Крылья ноздрей затрепетали, пытаясь уловить запах шедшего.

Дверь открылась.

– Карий? – невольно воскликнула женщина и опустила меч.

В её голосе прозвучало так много самых разных чувств, что мужчина опешил.

– Анжи... – прошептал он, протянув к ней руки. – Моя Анжи! Как давно он не видел её! Как мечтал об этой минуте!
«Анжи, моя Анжи!..»

Сердце сжалось от любви, от жалости!.. Как она устала! Под глазами – круги, острые складки у рта...

По дороге сюда он тщательно репетировал все те слова, которые сочинял ночами вот уже несколько недель. Хотел швырнуть их ей в лицо – прямо с порога! Сказать как можно надменнее, злее; но стоило увидеть её, как он тут же всё забыл. Вдруг показалось, что всё сейчас легко пройдет. Она выслушает его, согласится, и всё будет как прежде. Она снова станет его Анжи, только его, словно всего этого никогда не было.

Ничего этого никогда не было.

– Зачем ты здесь? – спросила она.

Этого оказалось вполне достаточно, чтобы мужчина очнулся.

– Тебя прислали *Они*? Или отец? – бросила женщина. Её лицо вновь стало острым, чёрным.

Мужчины открыл было рот, чтобы ответить, но тут заплакал ребёнок. Женщина кинулась к девочке, свободной рукой осторожно перевернула её на другой бочок – ребёнок снова уснул.

– Ты любишь её больше, чем меня!

– Не кричи, разбудишь, – огрызнулась женщина. – К тому же ты говоришь глупости. Я люблю вас обоих.

– Ну конечно! – Мужчина покосился на меч. – Ради неё ты готова насадить меня, словно индюшку на вертел.

– Я всего лишь защищаю своё дитя.

– Ну конечно! – повторил мужчина.

От двери он так и не отошёл, так что девочка была видна ему лишь сквозь прутья кровати. Словно боялся увидеть ребёнка.

– Говорят, он ходит к тебе, – ухватился мужчина за спасительную мысль.

– Ревнуешь? – рассмеялась женщина. – Он – мой друг. Очень хороший, верный, но друг.

Мужчина нахохлился ещё больше. Смешно ей! Глаза рыскали по комнате, пытаюсь ухватиться за любую деталь, которая могла бы разозлить его ещё больше.

– Ты подурнела, – бросил он. – Этот тебя плохо обхаживает?

– Спроси у него! Он скоро будет.

Мужчина побелел: этого ещё не хватало! Сжался, весь гонор пропал куда-то, но всё-таки сказал:

– Ты не сумеешь защитить её.

– Посмотрим.

– *Они* убьют тебя. *Они* сильнее.

– Это тоже посмотрим.

– Отдай ребёнка, Анжела! *Им* нужны обе девочки!

– Обе? Так тебя всё-таки прислали *Они*? – Чёрные глаза женщины нехорошо сощурились. – Что *Они* сделали с Машей? – женщина сжала меч, ещё немного – и кинется.

– Я ничего не знаю! – быстро залепетал мужчина. – Твой отец беспокоится за тебя, Анжи. Ты должна занять своё место в стае!

– Тогда почему пришёл ты, а не он?

– Откажись от ребёнка! *Они* не успокоятся! Мы разных кровей, и наша дочь... – он запнулся, – полукровка. Для неё никогда не будет места среди метафоров. Всё-таки я – птица, а ты – волк. К тому же родились близнецы – значит, кровь разделилась. *Они* не успокоятся.

– Успокоятся! – женщина зло усмехнулась. – К тому же метафоры – не единственные дивные в Эльсидории. Эльфы примут её так же, как приняли меня. Это ведь эльфы! Они готовы принять всех. Так что через шестнадцать лет, когда кровь пробудится, она сможет вернуться.

– Ты собираешься прятать её шестнадцать лет?

Такого поворота он явно не ожидал!

– И где ты собираешься её прятать?

– Миров много! – Глаза женщины сверкнули. – Их бесконечно много! Найдется какой-нибудь подходящий, где тоже есть люди, где она будет в полной безопасности. Пусть далеко от меня, от истоков своей крови, но в безопасности.

– Так вот зачем он здесь! Конечно же! – мужчина разозлился. – И ты думаешь, что эта сволочь вот так и позволит тебе рискнуть его царственной шеей? Думаешь, *Они* не сумеют добраться и до него?

– Анжела! – вдруг заговорил он изменившимся голосом. – Всё безнадежно. Нет ни единого шанса! *Они* сильнее! Откажись от ребёнка! Откажись, и всё будет как раньше.

– Как раньше, уже не будет. *Они* отняли у меня одного ребёнка, но второго не получают, – женщина оскалилась. – Я люблю тебя, Карий. Даже несмотря на то, как ты сейчас жалок, я всё равно люблю тебя. Но и она... они... мои девочки! Две Мари! Я люблю их. Я мать! Я спасу её. А теперь уходи. И не смей возвращаться.

...Мужчина ушел.

Женщина напряженно прислушивалась к его угасающим шагам, и как только они полностью стихли, – разрыдалась.

Она рыдала, закрыв лицо левой рукой, а правой всё ещё сжимая меч.

Внезапно дверь скрипнула – женщина сделала резкий выпад.

– Спокойнее!

Мужчина – но не тот, которого она так любила и презирала одновременно, другой – отскочил в сторону, вскинув руки.

– Думаю, ты не меня поджидаешь? – спросил он с явной надеждой.

Женщина отшвырнула меч.

– Что ты так долго? Так долго! – кинулась к нему.

Мужчина обнял её.

– Ну-ну, успокойся! А то девочка возьмёт пример с тебя, а двух ревуших женщин я просто не вынесу. Всё будет хорошо, – пообещал он, проводя ладонью по её волосам. – Всё будет хорошо.

– Да, – казалось, женщина немного успокоилась, – теперь всё будет хорошо!..

Она решилась.

* * *

Спустя несколько месяцев женщина всё так же стояла у окна, всё так же напряженно вслушиваясь.

«Чего она ждет? – подумал он. – Странно. Она стала такой целостной, решительной».

Он стоял, прислонившись к дверному косяку, ждал, когда она

заметит его. Не хотел начинать разговор первым. Он вообще не хотел говорить об этом.

«Такое впечатление, что пропажа первого ребёнка разбила её на части, а второго – собрала. Криво, кособоко, но всё-таки собрала. И эта новая женщина, совершенно не знакомая мне, чего-то ждёт.

Только чего?»

– Ты? – наконец сказала она. – Ты нашел её?

– Нет, – после минутного молчания признался он. Говорить тяжело. – Анжи, я думаю... Прошло три месяца... думаю, уже бесполезно...

– Ищи! – Она бросилась к нему, ударила кулаком в грудь. – Ищи её, чёрт тебя подери! – закричала дурным голосом. – Ты будешь искать её, пока жив! Слышишь! Ты будешь искать её всю свою грёбаную вечную жизнь!

Кулаки гулко отскакивали от его груди, она кричала, молила. Наконец, ему удалось схватить её за руки, женщина тут же обмякла, уткнулась мокрым лицом в массивный воротник его шёлковой рубашки...

Спустя ещё несколько дней он снова войдет в эту комнату.

Женщина будет всё так же стоять у окна...

Только на этот раз она будет мертва.

* * *

Сказание начинается.

Глава 1. Грань. Мариэтта.

Часть первая

Свой шестнадцатый день рождения Мариэтта отметила, как и все прочие праздники, на городской свалке, потягивая горькое дешёвое пиво и размышляя о судьбе.

Мариэтта выросла на планете, настолько бедной ресурсами и настолько далекой от цивилизации, что если бы не космодром, то жизнь на ней давно остановилась бы. А город... вообще-то здесь всего лишь один город, Космополинск. Все прочие поселения – крохотные нищие деревеньки или одиноко стоящие кособокие дома, почему-то гордо именуемые фермами.

Космополинск – это хаотичный город с населением в два миллиона человек. Роскошные особняки соседствуют с полуистлевшими бараками, а за углом обязательно есть невзрачное заведение, где можно купить немного травки и примерно столько же любви. Правда, приобретая то или другое, нужно быть предельно осторожным, иначе радость покупки будет последним, что испытаешь в жизни.

Сама планета – русская колония, официально находится на самой границе торговых путей и являет собой смесь культур, народностей, поскольку заселялась переселенцами. В общем, в туристических проспектах значится как транзит, не более.

Здесь толпами останавливаются, переводят дух после долгого космического перелёта путешественники всех мастей: и крупные бизнесмены, и мелкие торгаши, ведущие свой сомнительный бизнес, и просто уставшие от офисной рутины «белые воротнички». Одни рвутся сюда, на окраину цивилизации, в поисках новых ощущений, другие уносят от них ноги.

К тому же это последний оплот, где закон имеет хоть какую-то силу, далее – Печорский квадрат, республика якобы бедная и для туристов абсолютно не интересная. Но более богатого и порочного места на Грани отыскать трудно, путешественники туда рвутся просто толпами. Ведь там и только там разрешены проституция, наркотики,

азартные игры, прочие сомнительные увеселения. В общем, в Печорском квадрате можно сполна насладиться любым пороком, были бы только на это средства. Так что через космодром Космополинска туда и обратно постоянно шныряют корабли: как туристические, так и торговые.

А что там, за Печорским квадратом, – никто не знает.

Мариэтта выросла в более или менее приличном квартале, в семье Джонсонов, которые приходятся ей некими дальними родственниками. Более точно родство как-то не определялось. Сами Джонсоны говорили о девочке обычно так: *«Она дочь одной нашей... гхм!.. родственницы»*, – и кривили при этом губы. Можно подумать, что она дочь проститутки и серийного маньяка-убийцы! Многие так и думали.

Честно говоря, иначе к ней относиться тогда было сложно. Девочка всегда очень неряшливо выглядела – поношенные платья, лоснившиеся на локтях, которые ей вечно то малы, то велики, стоптанные туфли, дешёвые резинки в растрепанных косах.

Застенчивая по своему характеру, она не знала, как подойти к другим детям, её никто не учил этому, никто не помогал. Да и сами другие дети не хотели играть с ней. Правда, задирать особо не решались: Мариэтта дралась, как загнанный в угол зверек, – царапалась, кусалась, всегда молча, всегда отчаянно.

Эмма Джонсон откровенно не любила девочку, воспринимала её как наказание божье. Поэтому или же просто, будучи яркой христианкой, исправно посещала церковь, ежедневно молилась. Вообще была одержима манией «укрощать плоть» – не пользовалась косметикой, ходила в нелепых тёмных платьях, полностью скрывающих фигуру, ела только постную пищу. Все эти правила распространялись и на ребёнка, может, даже в ещё более жёсткой форме.

Джордж Джонсон замечал девочку только тогда, когда она попадалась ему под ноги, и то лишь для того, чтобы наградить тумачами. Вел небольшой бизнес – торговал подержанными машинами. Правда, он имел обыкновение большую часть доходов спускать в пабах на выпивку и проституток. Впрочем, дела шли так себе, и денег часто хватало только на спиртное. Тогда в пьяном угаре Джонсон

заставлял жену ублажать его так, как это делали бы продажные женщины. После таких ночей Эмма всегда жестоко избивала девочку.

В общем, ожидать адекватного поведения от ребёнка не стоило. И по-своему правы были те мамы, которые строго-настрого запрещали своим детям водиться с этой странной девчонкой, смотрящей на мир из-под косо обрезанной чёлки голодными глазами волка.

Жизнь осложнилась в подростковый период. И дело было не просто в половом созревании – в ней просыпалась *кровь*, о которой она даже не подозревала. И, конечно же, мальчишки! Которые хоть и посматривали, но знаки внимания не оказывали.

Именно тогда Мариэтта всерьёз заинтересовалась своей внешностью. Поскольку дома было лишь одно небольшое зеркало в ванной, пришлось довольствоваться теми, что оказывались в зоне доступа. Каждый раз, всматриваясь в своё отражение, она видела угловатого подростка с едва наметившейся грудью, пушистыми каштановыми волосами и пронзительными чёрными глазами. Считать ли себя красивой или просто хорошенькой – не знала, но очень хотела узнать. Увы, спросить не у кого.

Захотелось хорошо выглядеть; для этого, правда, пришлось воровать в магазинах одежду, бельё, косметику. Вещи хранила в укромном местечке на свалке, там же переодевалась перед школой и после занятий, хотя и приходилось делать солидный круг.

Но всё-таки труднее всего было с голодом. Молодой организм, организм *зверя*, тяжело переносил бесконечные посты, устраиваемые дома. Мариэтта буквально сатанела! Не выдерживала – воровала шоколадки в супермаркетах, отбирала завтраки у малышей – безумно стыдно, но ничего не могла с собой поделаться! Порой этот самый украденный батончик или чужой пакетик с бутербродами были единственной едой в течение всего дня.

О какой учёбе стоило говорить в таких условиях? Хотя она – умная девочка. Внимательная, любознательная. Читала много, запоем. Обо всём. Засиживалась в библиотеке допоздна, хватала с полок первые попавшиеся томики и погружалась в их волшебный, призрачный мир.

Особенно любила сказки.

Часто вечерами, сидя в укромном местечке на свалке или же глядя в окно своей комнаты, площадью больше похожей на кладовую, чем на жилое помещение, она мечтала. Мечтала о далеком радужном мире, где больше никогда не будет одинока, где всё будет совсем иначе...

С возрастом мечты стали сложнее, но, собственно говоря, они не сильно отличались от мечтаний любой девочки-подростка. Она мечтала о собственном доме – полной чаше, о любви...

Конечно, ей рассказали, что принцев на белом коне не бывает, но она верила! Как верит любая девочка. И этим принцем (пусть и без белого коня) ей казался одноклассник, Дмитрий Грей, выхоленный, самоуверенный подросток.

И всё чаще Мариэтта посещала городскую свалку. В тот период она вообще любила сломанные вещи. Они казались ей олицетворением собственной жизни.

Как оно и бывает, *кровь* просыпалась с болью. Если бы Мариэтта выросла в Эльсидории, среди тех, кто понимает и знает, что происходит, то, конечно, переносила бы всё гораздо легче, но она была одна.

Постоянно мучили кошмары. Снилось, что превращается в волка или волки гонятся за ней, вместе с ней. А ещё огонь. Много огня!.. Просыпалась каждый раз в холодном поту. Значения снов она не понимала.

Предельно обострилось обоняние, что существенно расширило сознание. Она полюбила стоять под дождём, мять в руках комья чёрной земли или снега, прижиматься носом к свежим листьям. Постепенно Мариэтта начинала понимать и принимать мир совсем не так, как другие люди, а согласно своей породе, что делало её только ещё более одинокой...

* * *

И вот, в тот день, 13 сентября, ей исполнилось шестнадцать лет. Знаковый возраст! Именно в этот день пружиной запускаются

уникальные особенности дивной породы. Всё то, что лишь робко напоминало о себе, заиграет неожиданными красками, набухнет и окончательно расцветет лишь через девять-десять лет, что будет означать завершение процесса взросления.

Как мечтала Анжела Вир о том, что её дочь доживет до шестнадцатого дня рождения! Как мечтала увидеть... Верила, что этот день освободит ее и позволит ей наконец-то вернуться домой, в Эльсидорию...

* * *

...Горькие мысли, отяжеленные дешёвым пивом, текли вяло, и от них становилось ещё горше.

Шестнадцать лет! *«Я стала уже почти взрослой, – думала девушка, – а жизнь так и не изменилась. И, похоже, не изменится никогда. По крайней мере, просветов не видно».* Будущее казалось пустым. Стипендия не светит, это с её-то оценками! Характеристикой! Денег на образование Джонсоны не дадут, на это даже глупо надеяться. *«И что тогда? – от таких мыслей хотелось плакать. – Что делать?..»*

Как же хотелось хоть что-то изменить! Вырваться из этого страшного омута. Уехать. А там... Тут голова начинала кружиться от несбыточных мечтаний. Собственно говоря, ничего конкретнее мифического *«а там»* у неё нет.

Она не видела, не понимала, что реальность уже подает знаки о том, что жизнь вот-вот изменится. Изменится навсегда. Неумолимо. Что цепочка событий уже соткана, и скоро закружится водоворот судьбы, который унесет её так далеко, что даже трудно предположить, и столкнет с такими удивительными созданиями, о существовании которых она даже не подозревает, и что однажды жизнь в доме Джонсонов покажется полузабытым кошмаром...

Наконец она встала. Отряхнулась. В её движениях, в том, как она приводила в порядок свою одежду, проскользнуло что-то волчье.

Грация молодого зверя.

...Странно.

Мариэтта ощутила опасность, как только переступила порог дома.

Именно это показалось странным.

Попыталась отмахнуться. Что может угрожать ей в этой доме? «Люди», – тут же ответил инстинкт. Но Мариэтта, ещё не приученная доверять собственным чувствам, не поверила. Да и что можно ожидать от Джонсонов? Новых побоев? Не привыкать!

Но на кухне горит свет. Джонсоны все ещё почему-то не спят, хотя обычно ложатся рано.

Странно.

Это была первая странность, за которую ухватилось сознание. Мариэтта тут же попыталась снова отмахнуться: подумаешь! Мало ли! Может, у них бессонница. Групповая. И решили на кухне посидеть. Почему бы и нет? Это же их дом! Конечно, несколько необычно, но...

Но Джордж был пьян. Мертвецки. Мариэтта услышала густой, навязчивый запах спирта.

Они ждут её.

Мариэтта испугалась.

Сама не могла понять, что так испугало. Да, есть целая масса самых обычных причин бояться их! Но сейчас... что-то не так. Что-то *действительно* не так.

– Мариэтта! – от пьяного рыка Джорджа девушку бросило в холодный пот. – Зайди сюда.

Переступила порог. И стало ещё хуже.

В руках Джорджа она увидела нож. Обычный кухонный нож с длинным тонким лезвием, почти забытое орудие на кухне благодаря многочисленным комбайнам, но всё ещё обязательный атрибут любой домохозяйки.

Универсальное оружие улиц.

– Я только хочу поговорить с тобой, – прохрипел Джонсон.

Мариэтта послушно кивнула.

– Мы растим тебя вот уже шестнадцать лет, – он пытался быть

спокоен. — Растим, как родную дочь. Даже родную дочь мы бы не растили, как тебя! — вдруг рявкнул Джордж.

Сидящая рядом Эмма вздрогнула и подняла глаза. Она — высокая, почерневшая от насилия и привыкшая к насилию — впервые подняла глаза, чтобы искоса, украдкой посмотреть на мужа.

— А ты!.. — Джордж внезапно замолчал. — Она сказала, что за тобой придут, когда тебе исполнится шестнадцать. *НО НИКТО НЕ ПРИШЁЛ!!!* — закричал Джордж так, что Мариэтта чуть не подскочила.

— Никто так и не пришёл... — повторил он уже чуть спокойнее. — А деньги уже давно закончились... А ведь она обещала, что придут и дадут ещё денег. Много денег! Ещё больше!

Мариэтта молчала. Ничего не понимала.

Но при этом не забывала о ноже.

Внезапно спросила:

— Кто придет? Моя мать? — самой тошно от такой смелости — заговорить с Джорджем! — и от всего... от имени...

— Да, твоя мать, — Джордж замолчал на некоторое время. — Я не знаю, почему она выбрала нас, но она предложила денег, много денег! чтобы мы воспитали тебя, как собственное дитя. И, видит Бог, ей не в чем упрекнуть нас!

Джордж пьяно ударил по столу.

— Ты была очень плохим ребенком, Мариэтта. Постоянно перебила мне и Эмме, тебя нужно было укрощать, как дикого звереныша! И вот ты выросла. И теперь ты позоришь наш дом. Мы ждали её весь день, но она не пришла. Никто не пришёл! Нас обманули!! — И Джордж начал вставать.

Он вставал долго, пьяно раскачиваясь, набычась.

Девушка попятилась.

«Он сейчас нападет».

Мариэтта уперлась лопатками в стену кухни.

«Он сейчас нападет!»

Она собралась, сжалась, подобно пружине, готовая в любой момент отскочить, дать отпор.

«Ах, если бы я была волком!..»

Мысль пришла неожиданно. Но удивляться времени нет! Потом... позже... Она подумает об этом позже.

Джордж сделал шаг в её сторону.

«Да, стать волком.

Большим,

сильным

волком!»

Мариэтта не отрывала взгляд от Джорджа. Глаза почернели, стали узкими, как щёлочки.

Приготовилась...

стать волком

к нападению

к бою?

Мариэтта прекрасно понимала, что Джордж сейчас слишком пьян, слишком зол, что он не собирается просто избить её.

Он собирается её убить.

Вот почему ей стало так страшно, как только она вошла!..

Стать волком.

Большим,

сильным

волком!

Мужчина кинулся – Мариэтта успела отскочить – лезвие лишь оцарапало ей руку – в нос ударил запах собственной крови. И, не ожидая, когда Джордж развернётся, оттолкнется от стены, кинулась сама...

* * *

Всё последующее показалось ей кошмарным сном.

Одним

бесконечным

кошмарным

сном.

Она бежала сквозь дождь. И вода – то ли дождь, то ли слёзы – заливали глаза, горло. Она захлёбывалась, но продолжала бежать.

То, что произошло на кухне несколько минут (а может, часов?) назад, не могло быть реальностью! Но именно ею оно и было.

Она убила Джорджа.

Вернее, он умер, когда она кинулась на него. Только это была не совсем она. Это было чудовище, волк.

Большой, сильный волк.

Которым она так хотела стать.

Мариэтта лишь толкнула его руками-лапами, упёрлась в грудь... ему, лежащему на полу... И тут услышала крик Эммы. Нет, она не просто кричала – верещала, этот звук, свербящий пронзительный звук, иглами вонзился в мозг Мариэтты.

И она очнулась.

Злоба, жажда убийства исчезли, она вновь стала собой. Тут же в нос ударил смрадный запах мочи и смерти.

Мариэтта поняла, что Джордж умер. Для этого ей не нужно было смотреть на него, но посмотрела. И тогда увидела... увидела то, что заставило Эмму так пронзительно кричать.

...Мариэтта не помнила, как вновь стала человеком.

Памяти больше не существовало.

Лишь дождь и бег.

И Мариэтта бежала. Она захлебывалась в воде, выплёвывала её на бегу, но продолжала бежать! Всё дальше и дальше. Всё быстрее и быстрее. Прочь от этого ужасного дома. Прочь от мёртвого Джорджа. Прочь от этого кошмара! *Прочь!..*

И, лишь упав без сил посреди дороги, поняла, что от этого кошмара не убежать уже никогда.

Мариэтта разрыдалась. Скорчилась на мокром асфальте, вцепилась ногтями в плечи. А дождь падал на неё сверху своими горячими каплями...

* * *

Больше всего на свете она любила волшебные сказки.

Но в этих сказках чудовища, уставшие от собственного одиночества, похищали прекрасных принцесс. А глупые принцессы лишь

кричали и рыдали. За ними однажды приезжали храбрые рыцари, на самом-то деле – глупые и самодовольные пижоны. Они убивали чудовищ, и те умирали со вздохом благодарности. А потом храбрые рыцари увозили в свой замок прекрасных принцесс и женились на них. А мёртвое чудовище так и оставалось лежать в своей пещере. Как и прежде – одинокое и холодное.

Потому что никто не любит чудовищ.

Нет таких сказок.

Глава 2. Эльсидория. Джарет.

Часть первая

В то утро великий и ужасный Джарет, волшебник, повелитель Сюррии, Король домовых и гоблинов, очнулся с дикой головной болью и не сразу понял, где вообще находится. Потолок вроде знаком. Но мало ли знакомых потолков? Чтобы лучше сориентироваться в пространстве, пришлось приподняться, несмотря на то что каждое движение отдавалось колкой болью в воспалённом мозгу.

К счастью, он оказался дома. Правда, почему-то не в собственной спальне и даже не в библиотеке, а на первом этаже, где располагались комнаты прислуги.

«Надеюсь, я был хорош», – подумал Джарет, оглядывая смятую кровать. Угадывать, какую горничную он осчастливил этой ночью, сил не было.

Джарет всегда очень тяжело переносил похмелье – тело отекало, голова гудела. Но сегодняшний день вроде обещает быть обычным, так что можно просто погрузиться в сон. Если повезёт, то проспит до следующего утра, если нет – то до вечера и всю ночь будет шататься по собственному замку, изображая привидение.

– Джеймс!

Дверь тут же открылась, вошел дворецкий, держа в руках поднос, на нём – запотевший графин с водой, стакан и несколько белых конвертиков с порошком от головной боли. Создавалось впечатление, что верный слуга всё это время стоял под дверью, ожидая, когда Хозяин проснется. Скорее всего, именно так оно и было.

Джарет проглотил содержимое двух пакетиков и вдоволь напился воды.

– У кого я? – поинтересовался Король.

– У Ренаты.

Джарет невольно поморщился: девица ему уже порядком поднадоела.

– Дай ей денег и гони в шею.

Джеймс кивнул. Он был абсолютно уверен, что в его обязанно-

сти, помимо всех прочих, входит также ограждать Хозяина от различных проблем вроде преследований надоевших любовниц. Соответственно, дворецкому нужно не просто вручить бывшей горничной определенную в таких случаях сумму, но и вывести её из замка так, чтобы она не нарушила покой его господина.

– Что ещё? – спросил Джарет, правда, уже так, больше для порядка.

Но Джеймс ответил:

– Домовой с Грани просит вашей аудиенции.

Был бы это кто другой, то Джеймс, скорее всего, даже не упомянул бы о визитере. Тем более когда аудиенция предварительно не назначалась, но домовые так просто не покидают свои дома.

– Он здесь? – Джарет насторожился. – Что ему нужно? Впрочем! – Джарет вздохнул. – Я спрошу его сам. Джеймс, приготовь мне ванну, кофе покрепче. А домовый пусть ожидает в тронном зале.

* * *

Итак, Джарет.

Чтобы лучше его понимать, нужно помнить одно: двойственность свойственна его натуре точно так же, как и его происхождению.

С одной стороны, он как отпрыск двух королевских домов обладал многими правами лишь по самому факту своего рождения. Но на самом деле – не обладал ничем.

Он – незаконный отпрыск двух королевских династий – эльфийской и английской, родился на Грани в период смутного Средневековья, в ту самую пору, когда дивность считалась наивеличайшим грехом и инквизиторы огнём и мечом вымарывали любое проявление крови, которую считали нечистой.

Его мать боялась – то ли за себя, то ли за судьбу ребёнка – родила тайно, в одной захудалой деревеньке, там же оставила на попечение местной ведьмы. Отец его был вынужден эмигрировать со своим народом в Эльсидорию. И даже если они планировали вернуться за ребенком – не сложилось.

Первые четырнадцать лет Джарет провел в глухой деревне под

присмотром полубезумной бабки. Как и все дети того времени, пас овец, работал в поле, рыбачил, охотился.

Джарет с раннего детства был хорошо сложен, гибок. Людская кровь смягчила линию скул и подбородка, вылепила английский нос, но не тронула эльфийских острых ушей и миндаины разноцветных глаз (левый – синий, а правый – зелёный).

К слову говоря, разноцветные глаза – большая редкость даже для дивных. Согласно поверьям, человек с разноцветными глазами сам пишет свою историю в Книге Судеб. И действительно – Джарет уже тогда отличался умом, смекалкой, наблюдательностью. Самостоятельно научился читать, немного писать, считать. Пусть знания были неглубоки, но многие деревенские не умели и этого. А ещё он быстро перенял весь арсенал своей бабки – травы, заговоры, обряды. Но, конечно, в такой глуши его способности быстро зачахли бы, если бы ему не пришлось бежать.

Дело в том, что он безумно влюбился в дочку мельника, та ответила взаимностью. Но, увы, она с малолетства предназначена была в жены другу её отца, человеку чуть ли не втрое старше. В день свадьбы, когда вся деревня изрядно напилась, юная невеста со слезами на глазах заявила, что предпочитает отдать девственность любимому пастуху, чем ненавистному мужу.

Наутро Джарет благоразумно унес ноги.

В Эльсидории появился, уже будучи восемнадцатилетним юношей, имеющим всего лишь одну пару сапог, но это его явно не смущало! Потому что уже был учеником самого Огиона и наследником Короля домовых. Как он умудрился оказаться первым у чужого престола и, тем более, как сумел стать любимцем величайшего мага – остается загадкой и по сей день.

Правда, в Эльсидории Джарет появился не один, а сопровождаемый самой настоящей лесной бандой. Разбойники его просто обожали! Именно их пьяные языки распространили множество легенд о его дерзкой смелости, удачливости, бешеном успехе у женщин.

Вскоре стало ясно, что у Джарета – грандиозные планы по захвату земель: он явно не собирался продолжать традиции престола в чистом виде. До него Короли домовых собственных границ не имели

в силу специфики подданных. Построили дом – появился домовый, оградили двор – вот, пожалуйста, дворовой. Какие границы могут тут быть? Соответственно, Короли домовых жили уединенно, небогато, одержимые заботой лишь о своих подданных. Но Джарет решил, что кто-то должен быть первым. И, действительно, им стал.

Он выбрал на юге Эльсидории несколько разрозненных поселений (по чистой случайности, там жили одни славяне) и захватил их. Объявил, что теперь это *его* королевство, и *он* здесь Бог и господин. Люди, конечно, сперва возмутились, но, как следует подумав, решили, что, в принципе, всё не так уж и плохо. Действительно, сложно спорить с тем, у кого в каждом доме есть свои глаза и уши.

Джарет на этом не остановился. Где силой, а где и лестью, подкупом – к уже имеющимся владениям присоединил ещё несколько деревень. После почти два года собирал празднующую по Эльсидории молодежь. Наобещал им с три короба и отправил заниматься пустующие земли на востоке и юге. На востоке его армия дошла до гор, где под покровительство Джарета попало небольшое племя гоблинов (именно поэтому его и стали называть Королем домовых и гоблинов). На юге – до пустыни, где тамошний странный многорукий народ, говорящий на свистящем языке, весьма вежливо попросил дальше не соваться. Таким образом, его владения распростерлись южнее Альфара и заняли всю площадь между Гномлией и Королевством горных эльфов.

Джарет решил, что земли ему пока хватит.

Это *пока* заставило содрогнуться всех.

Итак, к двадцати девяти годам Джарет уже был правителем собственного королевства, которое назвал Сюррия, занял престол Короля домовых, требовал, чтобы его именовали Хозяином. А ещё в двадцать девять лет стал вечным.

Он прекрасно знал, что эликсир вечной молодости делается на основе сыворотки из крови Огненных птиц, и рецепт его считается тайной, которую охраняет сам Совет магов, что вечность даруется только волшебникам, получившим статус мага, но плевал Джарет на правила.

Разразившийся скандал чуть было не обрушил хрупкое равновесие Эльсидории.

Как так? Какой-то мальчишка! Всего лишь волшебник! И вдруг стал вечным!

К счастью, Огион заступился за любимца. И, к счастью, Джарет вовремя изящно намекнул, что эликсир на самом-то деле был куплен у некоего мага, имя которого он вполне может назвать, желаете? Совет Магов не желал. В общем, Джарет дал клятву, что навечно сохранит в тайне обстоятельства сделки, и все успокоились.

* * *

Итак, Джарет.

Домовой ожидал аудиенции в тронном зале. Ростиком был, как и все представители народа, около полуметра. Мохнатый, бородатый, одетый в обноски, он стоял, переминаясь с ноги на ногу, мял в руках шляпу и рыскал глазами по сторонам, стараясь запомнить замок как можно лучше: будет чем похвастаться перед соседями!

Домовой благоговел и ужасался.

Тронный зал, действительно, ошеломлял. Стены отделаны мрамором цвета тёплых сливок, на полу выложены узоры из золота, серебра, драгоценных камней. Особенно домового заинтриговал трон. Неизвестно почему, но Джарет выбрал не традиционное монаршее кресло, неудобное и помпезное, а комфортное директорское кресло с Грани с кучей функций (в том числе и массаж), обтянутое дорогой чёрной кожей. В общем, тронный зал в своём сочетании контрастов производил нужное впечатление.

Вскоре появился сам король. В принципе, он хорошо выглядел. Правда, не на двадцать девять лет, на которых навечно остановился, а где-то на тридцать пять. Чуть влажные волосы просто зачесаны назад. Светлая кремовая рубашка оттеняла белизну кожи, массивные манжеты и воротник подчеркивали изящество рук и шеи, а узкие черные брюки – прочие достоинства его фигуры. В общем, Джарет был хорош, и лишь знающие люди могли найти в чертах его лица признаки похмелья и противной зудящей боли в висках. Его сопровождал верный Джеймс, кативший столик с напитками и закусками.

Король прошествовал мимо домового, который был близок к

тому, чтобы разрыдаться от благоговения или упасть в обморок от ужаса.

– Однако, жильцы твоего дома плохо о тебе заботятся, – заметил Джарет. – Джеймс! Принеси ему что-нибудь более достойное. Прошу тебя, угощайся, – Король улыбнулся настолько приветливо, насколько сейчас вообще мог. – Я слушаю тебя.

– О! Мой Хозяин! – воскликнул домовый и вдруг затараторил: – Она не виновата! Они – дурные люди, они обижали её! Она – добрая девочка! Это была случайность!..

– Стоп! – Джарет повелительно вскинул руку. – Ты о ком?

– О девочке.

– Какой девочке?

– Ну, о той, полукровке! Вашей подопечной. Её шестнадцать лет назад в мой дом принесла одна женщина. Я не знаю её имени, но у неё было вот это, – сказал домовый и достал из кармана серебряный листок.

Джарет резко поддался вперед – тут же дернулась боль в висках – но это уже не имело значения! Он узнал листок. Это была не просто безделушка из тонкого чистого серебра, а своеобразная карточка Короля домовых, мол, обладателю сего оказать всяческое содействие.

Таких у Джарета не так много, где-то с десятков. Честно говоря, он их заказал, когда начитался приключенческих французских романов. Естественно, быстро раздал самым разным людям. Но по какому-то странному совпадению эти самые разные люди предпочитали листочки хранить, лишь несколько штук после вернулось Королю домовых. Вроде как он даже выполнил обещания.

Правда это или нет – сейчас неважно. Важно сейчас лишь то, что когда-то в приступе сентиментальных чувств Джарет передал один такой вот серебряный листочек Анжеле...

Анжи, моя Анжи...

– ...Она пришла ночью, – продолжил домовый. – Джонсоны её ждали. Она принесла ребенка и драгоценности.

– Драгоценности? – переспросил Джарет.

Когда после смерти Анжелы он разбирал её вещи, то не нашёл

ни одного украшения. Тогда решил, что она всё продала, поскольку очень нуждалась в тот период, оказавшись отвергнутой и собственным племенем, и возлюбленным, и до того, как решилась написать ему. Выходит, что нет.

– Да, там много чего было – кольца, серьги, ожерелья. Всё – работа дивных мастеров. Она сказала, что это в уплату за содержание ребёнка, но они...

– Бездарно спустили?

Домовой кивнул.

– Мне женщина отдала вот это, – продолжил он, указывая на листок. – С наказом, что если не придет в день шестнадцатилетия девочки, передать это вам и напомнить о вашем обещании. Ну, так вот... Ей вчера исполнилось шестнадцать, никто не пришёл...

Джарет не ответил, лишь поджал губы.

– Кстати, Хозяин, – сказал домовой, – она оставила для вас у Джонсонов письмо. Правда, указала на нём ваше обычное имя, без титула.

– Ты прочёл его?

Конечно же, нет! Домовой с благоговением смахивал пыль с конверта, где было написано имя его Хозяина, следил за тем, чтобы письмо не потерялось, чтобы с ним ничего не случилось.

Джарет молчал.

«Она обманула меня. Но зачем?»

Вспомнил, как пришло письмо от Анжелы с просьбой о помощи. Как помчался, бросив всё.

Анжела была в ужасном состоянии! Всё время плакала, чего-то боялась. Джарет думал, что это просто истерика, к тому же поводов хоть отбавляй! Да и беременность протекала тяжело. Впрочем, роды прошли успешно, в срок, на свет появились две девочки.

Джарету показалось, что Анжела успокоилась. Но тут кому-то зачем-то понадобилось похищать одну из близняшек. Смысл? Какой вообще смысл похищать детей по очереди? Затем Анжела, как сейчас оказалось, инсценировала пропажу второго ребенка. Зачем?

«Она знала, что происходит. Вот почему».

Вспомнил, как билась об его грудь, как рыдала, молила. Вспомнил, как нашёл её мертвую.

«Она боялась, – подумал Джарет. – Кария. Отца. Возможно, даже меня. Во всяком случае, не слишком-то она мне и доверяла! Нет, не только...»

Вспомнил, что из дома она фактически не выходила. Всё время к чему-то прислушивалась, держала под рукой оружие. Входить к ней нужно было крайне осторожно: могла и с мечом кинуться, и когти выпустить, и вообще.

«Но ей действительно кто-то угрожал. Или что-то...»

А ведь Джарет действительно все списывал на послеродовую депрессию!

В тот день он был там. Анжела тогда ещё пользовалась всем домом. Она спустилась вниз, чтобы поставить чай, а он остался в детской. С любопытством разглядывал близняшек, те мирно спали. Гадал, как разделится кровь, кто кем потом станет. Но вот Анжела позвала его. Когда уходили, обе девочки мирно посапывали.

Около получаса просидели на кухне. Вместе, поэтому точно всё знает. Хорошо помнит, как Анжела вдруг напряглась, бросилась наверх, он – за ней. А в комнате окно распахнуто, и...

«Одну девочку забрали, но вторую не тронули. Зачем? Как они вообще попали в комнату? И кто это – они? Я так ничего и не узнал...»

У Анжелы после разум помутился. Окопалась в одной комнате, словно оборону решила держать.

Интересно, как ей удалось спрятать девочку незаметно от всех? Впрочем, всё яснее ясного! Ей помог тогдашний Хранитель Ключей. Только как она его уговорила? Отношения ведь между ними были не ахти.

«Правду сказала. И она оказалась такой, что у Хранителя дрогнуло сердце. Подкупить не могла: слишком тогдашний был правильным, – подумал Джарет. – Ему сказала, а мне – нет. Почему?»

«Потому, что должен был искать», – тут же ответил сам себе. Вполне разумно: если не найдёт он, не найдёт никто – хотя всё равно обидно.

Эльсидорию Джарет перетряхнул несколько раз. Каждую колыбель проверил! Про другие миры даже не подумал – да и кому надо тащить грудного ребёнка в такую даль? Смысл?

Хотя нет, Грань проверял, но только из-за старых порталов, и только Землю. Но там Джарет достаточно быстро нашёл бы ребёнка: как-никак планета знакома. Но вот дальше... Всё-таки Грань – не Эльсидория, сейчас там не одна Земля обжита, а несколько десятков других. Чтобы обыскать каждую, не хватит и вечной жизни.

Да, Ангела хорошо спрятала ребёнка. Тут ничего не скажешь.
«Только вот почему?»

– Почему ты ничего не сообщил мне?

– Но она сказала, что на то есть ваша воля, – ответил домовой.

– И ты ей поверил?

Домовой смутился ещё больше. Женщина так молила его не болтать лишнего, присматривать за девочкой, уверяла, что Хозяин всё знает – выходит, нет. Да и серебряный листок был с ней...

– Хорошо, – Джарет вздохнул. – И что случилось вчера?

– Девочка убежала, Хозяин, и, я думаю, она не вернется. Она в очень большой беде! Ей нужна помощь!

– Помощь? – переспросил Джарет.

– Ну да! Они ведь пытались убить её...

Глава 3. Джарет и Мариэтта

14 сентября, в послеобеденные часы Джарет появился в Космополинске.

* * *

К счастью, Вадим Морш, Хранитель Ключей, оказался свободен и без лишних проволок открыл портал на Грань. Уже там, зная жуткую нелюбовь Короля к гостиницам, помог Джарету быстро найти более или менее подходящую квартиру, накидал список необходимых телефонов и отчалил по своим делам.

Доложились домовые: искомой девушки в домах Космополинска нет, значит, ночевала где-то на улице. Где именно? Дворовые сообщили, что в разное время видели её в разных уголках города. Значит, оставалось одно: взять напрокат машину и колесить по улицам. Джарет так и сделал.

Мариэтта действительно ночевала на улице – на свалке. Что делать, как жить дальше – не знала. Возвращаться домой боялась. Ближе к обеду острый голод прогнал её со свалки на улицы города. Прощлась по магазинам, удалось кое-что украсть. Мелочь! Но всё-таки. После пошла наугад. В никуда.

Ближе к вечеру начался ливень.

Джарет нашел её тогда почти случайно. Повезло. Он уже здорово устал и поэтому злился на себя, на весь свет, на Анжелу. И вдруг увидел её...

Она вынырнула из какого-то переулка. Шла, цепляясь ботинками за асфальт, сунув руки в карманы джинсов, в одной майке, длинные волосы собраны в хвост – казалось, ей всё равно, что уже стемнело, идёт дождь.

Джарет нажал на клаксон – Мариэтта вскинула руку, чтобы убрать с лица мокрые волосы, и одновременно обернулась. Ему показалось, что поворачивается она бесконечно медленно. И этот взгляд! Глубокий, пронизывающий взгляд – не испуганный, вопрошающий – взгляд молодого зверя.

Сердце короля болезненно дёрнулось.

* * *

Мариэтта хмыкнула, бросив взгляд на машину, и зашагала дальше. Машина двинулась следом.

«Что ему нужно?» – подумала девушка. Она терпеть не могла, когда с ней пытались познакомиться всякие непонятные типы, этот наверняка из тех же. А жаль: голос ей понравился.

– Постой, – ещё раз окликнули её, – постой же! Не бойся меня!

«Это я-то боюсь!» – хмыкнула Мариэтта и остановилась.

Наверное, где-то с минуту они смотрели друг на друга.

Мариэтта была поражена красотой мужчины. Чужак, это ясно и поговору, и по одежде. И в то же время он не был похож на всех тех приезжих, которыми кишел Космополинск.

Джарет, в свою очередь, уже успел обо всём позабыть.

– Садись, – сказал он.

Мариэтта подумала немного и рванула дверцу на себя.

– Куда тебя отвезти?

Не ответила.

– Тогда я отвезу тебя туда, где ты сможешь согреться и поесть. – Джарет улыбнулся. – И ничего не бойся, хорошо?

* * *

Ехали молча.

Мариэтта украдкой разглядывала нового знакомого. Мужчина явно при деньгах – одна рубашка чего стоит! Пуговицы, запонки – кажется, золотые, камни какие-то. А часов нет. Телефона тоже. И водит плохо. Странно. К тому же, по её мнению, такие мужчины не подбирают на улице мокрых малолеток.

Вдруг смутилась. Кое-как оторвала взгляд от него, попробовала отвернуться. Бесполезно! Он словно магнитом притягивал. Глаза, губы, расстегнутые пуговицы на груди... Мариэтта зажмурилась. Так